

СЛОВО УТЕШЕНИЯ К ЖЕНЕ

ПЛУТАРХ

Плутарх жене пребывать в благополучии

Тот, кого ты послала ко мне с вестью о кончине нашего ребенка, очевидно, ошибся дорогой, направляясь в Афины; но я узнал об этом от внучки, когда прибыл в Танагру. Думаю, что похоронные обряды уже закончены, и хотел бы, чтобы все было сделано так, как это могло доставить тебе наибольшее облегчение и теперь, и на будущее время. Если же ты что-либо желательное для тебя оставила несделанным, дожидаясь моего мнения, то я уверен, что и это будет далеко от всякого суеверного излишества, столь тебе чуждого.

Только, дорогая жена, щади и себя и меня в нашем несчастье. Ведь я сам знаю и чувствую, каково оно, но если увижу, что ты превосходишь меру должного в своей скорби, то мне это будет тяжелее даже того, что нас постигло, хотя и сам я рожден не с каменным сердцем, как ты знаешь, воспитав вместе со мной столько детей, которых мы всех взрастили у себя дома. Я знаю, что эту дочь, рождение которой после рождения четырех сыновей тебя горячо радовало, что и побудило меня дать ей твое имя, ты особенно любила. Любовь к таким малюткам всегда соединена с некоей болезненностью: и радуется и трогает их беззлобная чистота безо всякой примеси недоброжелательства. Но в ней от природы была удивительная приветливость и кротость; она отвечала на любовь благодарной ласковостью, отражавшей радостное понимание любви. Не только другим детям, но своим любимым вещам и игрушкам она просила давать грудь, как бы приглашая их к своему столу и из дружеских чувств, приобщая к самому приятному, чем сама располагала.

Но не вижу я, жена, почему все, что при ее жизни радовало нас, теперь, при воспоминании, должно огорчать и подавлять. Более того, я боюсь, не отбросили бы мы вместе с болью и самую память, как Климена, которая говорит:

Ненавистен мне

И весь его гимнасий, и терновый лук,

избегая и страшась напоминаний о сыне, причиняющих ей страдание: ибо человеческая природа избегает всего удручающего. Но нет: как сама она была сладостнейшей отрадой для нашего общения, зрения и слуха, так и воспоминание о ней должно постоянно жить с нами, принося нам больше, во много раз больше радости, чем горя; если надлежит нам извлечь пользу из речей, которые мы часто в подобных обстоятельствах обращали друг к другу, и не сидеть замкнувшись и противопоставляя той отраде многократное горе.

Присутствовавшие говорят с удивлением, что ты не облеклась в траурный гиматий и не допустила какого-либо нарушения благочиния ни для себя, ни для служанок и похороны прошли без расточительной пышности и многолюдства, но в чинном молчании и порядке, среди близких. Но я этому не удивлялся: ведь ты никогда не проявляла склонности к изысканным нарядам для театра или торжественной процессии, и естественно, что, считая роскошь излишней даже в радостных обстоятельствах, соблюла и в печали простоту и сдержанность: ведь не только «в бдениях вакхических» благонравная женщина должна оставаться недоступной соблазну, но и в несчастье должна помнить, что горестное потрясение требует стойкой борьбы – не с любовью к скончавшемуся, как думает большинство, а с душевной несдержанностью. Ведь этой любви мы воздаем скорбь, и почет, и память, но ненасытимая страсть к оплакиванию, доводящая до причитаний и самообезображивания, столь же постыдна, как неумеренность в наслаждениях, и неубедительна была бы попытка извинять ее тем, что тут постыдное сопровождается не удовольствием, а болью и горечью. Ибо что более противно разуму, чем порицать излишества в смехе и веселье и в то же время всецело допускать потоки стонаний и слез, проистекающие из того же источника? Или, как поступают иные, препираться с женами из-за благовоний и порфиры, но допускать траурное пострижение, черную одежду, неухоженное сидение, изнурительное лежание? Или, что самое тягостное, если жены наказывают рабов и служанок сверх меры и справедливости, вмешиваться и препятствовать им в этом, а когда они сами себя наказывают с чрезмерной суровостью, оставлять это без внимания, и при этом в обстоятельствах, которые требуют любовной участливости?

Но у нас с тобой, жена, не было надобности в том споре, не будет, думаю, и в этом. Ведь твоя скромность в убранстве и нетребовательность в житейском укладе поражала каждого из знакомых и общавшихся с нами философов, и для всех сограждан поучительным образцом была непритязательная простота твоего наряда в театре и при священнодействиях и жертвоприношениях. Но, и в столь же горестных обстоятельствах, как и нынешние, ты уже проявила большую твердость духа, когда потеряла старшего из наших детей, и снова, когда нас покинул

наш милый Херон. Помню, что, получив весть о кончине ребенка, я возвращался морем домой и плывшие со мной друзья вместе с другими посетили наш дом. Видя в доме полный порядок и спокойствие, они, как позднее сами рассказывали, подумали, что не произошло никакого несчастья и дошедшая весть была ложной: так пристойно ты убрала дом при обстоятельствах, дававших такой повод к нарушениям благочиния. А ведь ты сама его вскормила и перенесла разрез воспалившейся груди: благородное проявление материнской любви.

Часто мы видим, как матери, когда их дети вымыты, одеты и приукрашены другими, берут их на руки, забавляясь ими, как игрушками, а если ребенок умрет, изливаются в суетном и неистовом плаче не от полноты добрых чувств – ведь доброта – это нечто разумное и красивое, – а оттого, что к малому природному чувству примешано много тщеславия, которое делает горе диким и исступленным и неутолимым. Понял это, как мы видим, и Эзоп. Он говорит, что когда Зевс распределял почести богам, то потребовала своего удела и Скорбь. И Зевс предоставил ей почесть, но только от воздающих добровольно, по собственному выбору. И вот происходит так: сначала каждый сам приводит к себе Скорбь. Когда же она со временем прочно обосновалась и стала сотрапезником и сожителем, то человек и при самом искреннем желании не может от нее избавиться. Поэтому надо у самых дверей бороться со Скорбью и не создавать ей опоры черной одеждой, пострижением и тому подобной обрядностью: все это, не оставляя нас ни на один день и докучая, умаляет и стесняет наш дух, делает его отчужденным, неумолимым, нетерпимым, отвращающимся и от смеха, и от света, и от дружеской трапезы в такой одержимости скорбью. Этому бедствию сопутствует пренебрежение к уходу за собственным телом – к умщению, омовению и прочим требованиям здравого образа жизни, – тогда как, напротив, угнетенная душа нуждается в помощи бодрого тела. Ибо намного притупляется и ослабевает горе, растворяясь в спокойном благополучии тела, подобно морской волне в безветренную погоду; если же человек дичает и опускается под влиянием нездорового образа жизни и тело не будет посылать душе ничего благостного и доброго, а только боль и печаль, словно некие горькие и вредные испарения, тогда и при всем желании нелегко будет воспрянуть. Тяжела участь души, подвергшейся такому уязвлению.

Но вот того, что в этих обстоятельствах представляет собой величайшую опасность – «злых женщин нежеланных посещение», их возгласы и сочувственные причитания, которыми они растравляют боль и не дают ей утихнуть ни самой по себе, ни под влиянием других речей, – этого мне бояться нет нужды. Ведь я помню, какое испытание ты недавно вынесла, помогая сестре Феона и выступая против плакальщиц, приходящих со стороны со своими стенаниями и словно подливающих масло в огонь. Вот когда люди видят, что горит дом их друзей, то каждый по мере сил старается как можно скорее погасить огонь, а пылающей

душе они сами приносят горячее. И если у кого болят глаза, не позволят любому желающему прикасаться к воспалению, не прикоснутся и сами; а человек, погруженный в скорбь, сидит, предоставляя кому угодно возбуждать и обострять его горе, словно какое-то истечение, так что из слабо раздражающей боли оно переходит в тяжелую и трудно излечимую болезнь. Я знаю, что от этого остережешься.

Но попытайся мысленно перенестись в то время, когда у нас еще не родилась эта дочка – и у нас не было никаких причин жаловаться на судьбу, – а затем связать нынешнее наше положение с тогдашним, как вполне ему подобное. Ведь окажется, дорогая жена, что мы считаем несчастьем рождение дочери, если признаем, что время до ее рождения было для нас более благополучным. И промежуточное двухлетие надо не исключать из памяти, но принять как минувшую радость и не считать малое благо большим злом: если судьба не дала нам того, на что мы надеялись, то это не должно отменять нашу благодарность за то, что было дано. Благоречие перед божеством, кротость и смирение по отношению к судьбе всегда воздают прекрасный и сладостный плод, и в этих наших обстоятельствах кто более всего черпает в памяти доброе и обращается помыслами от темного и тревожного в жизни к светлому и сияющему, тот или совсем погасит горестное, или противопоставлением обратного умалит и ослабит его. Подобно тому как миро всегда радует обоняние, а против зловония служит защитой, так мысль о радостном и в горестных обстоятельствах будет необходимой помощью для тех, кто не убегает от воспоминаний о радостном и не предается всецело сетованиям на судьбу. Не подобает нам такая клевета на собственную жизнь, если на одну ее страницу пало пятно, тогда как все прочие остаются чистыми и безупречными.

Ты часто слыхала о том, что наше благополучие зависит от правильных суждений, приводящих к душевной стойкости, а превратности судьбы не несут в себе сокрушительного удара для жизни. Если же приходится и нам, вслед за большинством людей, подчиняться внешним обстоятельствам, и учитывать посланное судьбой, и выслушивать как судей нашего благополучия случайных людей, то не смотри на слезы и сетования, с которыми идут к каждому по какому-то дурному обычаю, а лучше подумай, как завидны для соболезующих твои дети, дом, жизнь. Странно было бы, если бы ты – в то время как другие с радостью приняли бы твою судьбу вместе с тем, что нас теперь удручает, – стала возмущаться против нее и гнушаться ею, пренебрегая тем, что сама эта боль дает нам почувствовать, сколько отрадного содержит в себе оставшееся у нас. Если мы, как тот критик Гомера, который стал бы подсчитывать у него безглавые и укороченные стихи, проходя мимо великого и прекрасного в его поэмах, будем выискивать и порицать дурное в жизни, огульно и беспорядочно нападая и на хорошее, то уподобимся мы низменным скрягам, которые, накопив большое богатство, не пользуются тем, что у них есть, а горюют и плачутся об утраченном.

Если же ты сострадаешь ей, ушедшей без брака и потомства, то, с другой стороны, ты должна ценить, что сама не была лишена этого: ведь нельзя считать, что эти блага велики для тех, кто их лишен, и малы для тех, кто их имеет; а она, придя к бесконечности, не нуждается в нашей печали; и как может она вызывать у нас сострадание, если для нее нет уже никаких страданий? Ведь лишение даже великих благ перестает быть лишением для того, кто в них не нуждается. А твоя Тимоксена лишена малого, ибо мало она познала и малому радовалась; а о чем она не имела ни представления, ни помысла – можно ли говорить, что она этого лишилась?

Ты и от других слышишь убедительные для многих речи, что покойник недоступен ничему дурному и огорчительному. Знаю, что тебе препятствует верить этому отеческое предание, а также символы дионисических таинств, которым причастны мы, посвященные. Но уразумей, что бессмертная душа испытывает то же, что плененная птица: если она проведет в теле долгое время, то привыкнет к условиям этой жизни и становится ручной. Выйдя же на волю, она снова воплощается и в ряде рождений не перестает подвергаться здешним испытаниям и судьбам. Не думай, что бранить старость и тяготиться ею заставляют морщины, седина и телесная немощь: самое тягостное в ней то, что она делает душу невосприимчивой к воспоминаниям о той жизни и привязывает к этой, сгибая и угнетая душу и заставляя ее сохранить тот образ, который ей придала телесная оболочка. Если же плененная душа пробудет в теле лишь недолго, то, освободившись, она сохраняет лучшее состояние, как бы воспрянув к своей природе после расслабляющего уклонения. Подобно тому как огонь, если его погасить и сразу снова возжечь, вспыхивает и быстро набирает силу, если же долго остается погашенным, возобновляется с трудом, так и для души лучшая доля, если ей довелось, согласно поэту,

После рожденья предел земной скорее покинуть,

прежде чем в ней возникнет великая любовь к здешним вещам и она, сросшись с телом, ослабнет, как от яда.

Древние обычаи и законы наших предков подтверждают правильность этого. Умершим младенцам не приносят возлияний и не совершают других обрядов, приятных для покойников, ибо они непричастны к земле и ко всему земному: они не сохраняют привязанность к месту своего погребения, не ждут выставления тела и совместного прощального сидения. И законы не позволяют воздавать им это, как преставившимся к лучшей доле и лучшему обитанию. И так как не верить законам в этом тяжелее, чем верить, то пусть у нас все внешнее будет таким, как они предписывают, а все внутреннее – еще более нетронутым, чистым и благочестивым.